

Дюжина воинов Аэн Сейдхе бесшумно и четко подкралась к входу в пещеру. Aen Seidhe на просторечии переводится как «холм». Поэтому неудивительно, что эти эльфы, как и подобает этому описанию, передвигались по территории Голубых гор с чрезвычайной скрытностью. Ни один нормальный человек не мог бы услышать их приближения. Это умение уже много раз доказывало свою полезность в засадах. И все двенадцать эльфов участвовали в бесчисленных подобных действиях, служа либо в партизанских отрядах скоя'таэлей, либо в эльфийской бригаде Врихедда 4-й нильфгаардской Голгофской армии во время Второй Северной войны. Все они были закалены в боях и видели много смертей – многих смертей, вызванных их собственными руками. Когда дюжина эльфов наконец добралась до входа в пещеру, они расположились по обе стороны от входа, ожидая сигнала наводнить, схватить и убить – схватить женщину и убить ведьмака.

Все двенадцать эльфов были специально отобраны Франческой. Она знала, что многие из Аэн Сейдхе, особенно эссеи, были весьма благодарны ведьмаку за его работу накануне. Но она знала, что эти двенадцать человек, какие бы чувства они ни испытывали к ведьмаку, были ей чрезвычайно преданы. Не будет никаких оговорок или колебаний в отношении того, что необходимо сделать.

И Филиппа, и Франческа шли позади по меньшей мере в пятидесяти ярдах. Хотя они оба обладали различными навыками, бесшумное передвижение по захламленной лесной подстилке не обязательно было одним из них. Поэтому они и остались, потому что не хотели предупредить ведьмака о своем присутствии. Простой, неосторожный шаг по самой крошечной, хрупкой веточке мог разрушить элемент неожиданности, поскольку они оба знали об усиленном мутацией слухе ведьмака. Увидев своих воинов на месте, Франческа повернулась к Филиппе.

"Вы готовы?"

«О, да», — ответила она с самой злой улыбкой.

Филиппа уже представляла, как кровь ведьмака стынет в жилах, и как свет угасает в его мутантных глазах. Она так и не простила ему вмешательства в дела Лок Муинне. Хотя она ясно знала, что он был опытным фехтовальщиком, она также считала его дураком, который спотыкался и спотыкался в делах, которые никогда не были его заботой и далеко превосходили его интеллект и жизненное положение. Однако он всегда – к шокирующему и разочаровывающему – выживал. Филиппа была убеждена, что это произошло просто по чистой случайности. Но сегодня ему придет конец. Она знала, что он не сможет сравниться с ее силой.

Франческа открыла портал и вошла в него, а Филиппа следовала за ним. Они оба предвкушали битву, которая разразится, как только они выйдут из соседнего огненного кольца внутри пещеры. Их королева, создавшая портал, была ранее согласованным знаком, и, увидев это, двенадцать эльфийских воинов поспешно двинулись в пещеру.

Портал королевы Энид появился посреди пещеры, и как только она ступила в него, она увидела, услышала и почувствовала взрывы перед собой, по направлению к входу. Хотя взрывы не причинили реального ущерба ее телу, она была настолько потрясена и удивлена неожиданным появлением вспышки, звука и силы, что сделала шаг назад, инстинктивно закрывая лицо предплечьем. Она тут же столкнулась с Филиппой, которая сама только что вышла из портала. Две волшебницы потеряли равновесие, и пока Франческа упала на пол

пещеры, Филиппу отбросило назад через все еще открытый портал, который затем тут же закрылся.

Колдунья из Монтекальво вылезла из портала и приземлилась на четвереньки в лесу Голубой горы. Падение на землю сбilo с ее лица очки. И хотя на самом деле они ей не нужны, чтобы видеть, ее тщеславие затмило все остальные мысли, и поиск тех темных очков, закрывавших ее еще не сформировавшиеся глаза, стал приоритетом над всем остальным. Она лихорадочно обшарила лесную подстилку вокруг себя, поворачивая голову несколько раз в отчаянии. Затем, вздохнув с облегчением, она увидела их в нескольких футах от себя, частично прикрытых листом. Она подобралась к ним, сдула пыль с линз, а затем осторожно положила их обратно на лицо. Только тогда она оглянулась на пещеру.

То, что она увидела, привело ее в замешательство. Это было немного трудно сказать из-за пыли и дыма, поднимавшихся из пещеры, но оказалось, что вход в пещеру теперь заблокирован большим скальным образованием. Этот проклятый ведьмак. Откуда он узнал? Затем она драматически развела руками. Через несколько секунд она превратилась в сову, но не полетела в сторону пещеры. Хотя никто никогда не мог обвинить Филиппу Эйльхарт в трусости, никто никогда не мог обвинить ее в глупости, и она не собиралась слепо лететь в теперь уже явно враждебную, пыльную среду, где она оказалась бы в невыгодном положении. Улетая, она пожелала своей подруге-волшебнице всего наилучшего.

Франческа села, ее левая рука была выпрямлена и слегка позади нее, поддерживая верхнюю часть тела. Она покосилась на вход в пещеру, но увидеть там было особо нечего, так как пыль и дым наполнили воздух в этой части пещеры. Но, несмотря на ухудшение видимости и небольшой звон в ушах от только что произошедших взрывов, она все равно могла слышать. Она могла легко услышать стоны, крики и крики своих воинов - ее невидимых воинов, покрытых облаком пыли. Внезапно она уловила движение периферийным зрением.

Она повернула голову и заметила небольшой круглый предмет, летевший с большой скоростью в ее направлении. Часть мозга, способная оценить и просчитать опасность за доли секунды, сказала ей, что это очередная бомба, и она закрыла глаза и прикрыла лицо рукой, поскольку инстинктивно знала, что у нее нет времени защищаться от нее. Она услышала и почувствовала, как бомба взорвалась рядом с ней. Но мгновение спустя, когда она не почувствовала боли в теле, она медленно открыла глаза. Она огляделась вокруг, а затем на себя. Она улыбнулась, видя, что она все еще цела. Должно быть, устройство неисправно. И затем то, что она увидела дальше, вызвало ухмылку на ее лице. Пришло время этому ведьмаку умереть.

Убийца монстров вышел из тени в направлении Франчески, держа стальной меч в левой руке. Когда он подходил всё ближе и ближе, эльфийская волшебница начала читать своё любимое заклинание. На произнесение ушла всего секунда, но оно было невероятно жестоким. Ведьмак был уже почти рядом с ней, когда она выбросила вперед обе руки в его сторону, с нетерпением ожидая, что мощные потоки кипящего кровь огня покончат с его жизнью раз и навсегда. Но ничего не произошло. Ее глаза вылезли из орбит, когда она посмотрела на свои руки. Мысли о страхе, замешательстве и обвинении пронеслись у нее в голове, а затем она взглянула на ведьмака как раз вовремя, чтобы увидеть, как его правая рука откинулась назад к плечу.

Ведьмак со всей силой, на которую был способен, направил сжатый кулак вперед. Когда его покрытая заклепками перчатка врезалась в лицо волшебницы, он услышал приятный звук хруста костей и хрящей. Голова Франчески дернулась назад, ее тело отлетело на несколько футов назад и с тяжелым стуком упало на пол пещеры. Белый Волк не мог вспомнить, когда в последний раз ударить кого-нибудь было так приятно. Королева застонала и поднесла руки к некогда безупречно красивому лицу, из разбитого носа и разбитых губ текла кровь. Она

почувствовала во рту что-то инородное и, шевеля языком, поняла, что он выбил ей два зуба.

Мясник Блавикена стоял, возвышаясь над павшей королевой Эн Сейдхе.

«Может, ты и не стоишь на коленях. Но окровавленная и плоская задница выглядит ничуть не хуже», — прорычал он. Он собирался отвернуться, когда добавил: «О... и насколько сильно ты сейчас любишь свою магию?»

Затем профессиональный убийца повернулся и направился к входу в пещеру. Пыль рассеялась настолько, что, когда Франческа подняла голову от земли, она увидела пятерых или шестерых своих воинов, стоящих на ногах и оглядывающихся по сторонам, оценивая то, что только что произошло. Другая половина, как она предполагала, была мертва — либо в результате взрывов бомб, либо в результате того, что ее раздавила гигантская каменная колонна, которая теперь блокировала вход.

Волшебница медленно перевернулась, а затем встала на колени, снова лицом к входу в пещеру. Ее глаза смотрели на спину ведьмака, который теперь был окружен оранжевыми, похожими на молнии сгустками энергии, мерцающими вокруг его тела. Она увидела вспышку стали и звук металла о металл, когда он парировал атаку; поворот и удар, а затем она услышала крик боли, когда ногу Аэн Сейдхе отрубили. Пируэт и еще один крик, на этот раз рука у плеча была оторвана. Невероятно быстрое движение меча отбило стрелу лучника; затем сальто вперед и сердце было пронзено. Уклонение вправо и еще одно парирование; обратный поворот, и голова полетела в воздух, кровь брызнула из шеи. Последнее парирование, выстрел Аарда и удар меча вниз через голову лежащего эльфа. Тогда ведьмак остался один.

Мясник из Блавикена, даже не тяжело дыша, повернулся к королеве, которая теперь стояла. Пока он сражался, она попыталась произнести еще одно заклинание, но безуспешно. Димериевая пыль от бомбы впиталась в ее кожу, и теперь пройдет немало времени, прежде чем она снова сможет владеть магией. Когда ведьмак медленно приблизился, она успокоила свои эмоции. Она не позволила бы этому мутанту увидеть свою слабость, хотя и знала, что отсутствие зубов и кровь, все еще текущая из носа, портят ее царственный вид.

«Молодец, ватт'герн», — спокойно заявила она, как будто ее совершенно не беспокоили только что произошедшие события. «Это были мои лучшие бойцы».

Ведмак теперь молча стоял перед гордой волшебницей.

«Я признаю — фантастическая демонстрация мастерства», — продолжила она. «И как же вы застали нас врасплох? Засада попала в засаду. Очевидно, я вас недооценил. В следующий раз не буду ».

На ее лице была улыбка, но такая, которая выглядела бы уместно на звере, собирающемся съесть свою добычу.

«Следующего раза не будет».

Волшебница закатила глаза. «Пожалуйста, только не это снова. Мы уже говорили об этом раньше, помнишь? Хотя я вижу в твоих глазах сильное желание сразить меня, мы оба знаем, что ты этого не сделаешь. Ты ценишь жизни на третьем этаже. просто... слишком... много». Она снова вытерла кровь из носа, а затем посмотрела на свою руку. «А теперь, если ты меня извинишь, ватт'герн, я возвращаюсь в свой дворец».

Ведмак смотрел на эльфа, медленно кивая головой. А затем, быстрее, чем ее глаза могли

осознать, он вынес свой меч вперед и вонзил его прямо в ее грудь, лезвие вышло из ее спины. Глаза Франчески расширились от шока. Она посмотрела на стальное оружие, пронзившее ее грудь, а затем подняла обе руки, чтобы слабо схватить лезвие. Ее глаза вернулись к глазам ее убийцы.

«Это было для Къезы», — сказал он тихим голосом. А затем он яростно повернул меч, прокручивая его внутри ее тела. «И это было для ее детей».

Он поднял левую руку и обхватил теперь уже мертвую волшебницу за ее тонкую шею. Поддерживая ее безвольное тело в вертикальном положении, он вынул меч из ее груди. Он посмотрел на свой клинок, залитый ее кровью. Затем он медленно вытер лезвие о край ее платья. Он перевернул меч в руке и вытер и другую сторону. Он посмотрел в ее мертвые глаза.

«В конце концов, ничего особенного. Ты истекаешь кровью, как и все мы... Покойся с тобой в аду».

Он слегка толкнул левой рукой, позволив безжизненному, окровавленному телу Франчески упасть на пол пещеры.

ooo

— И почему тебя обвиняют в измене, Эванджелина? — спросил Лидиал. В ее тоне не было гнева, только любопытство и беспокойство.

Иви полезла в сумку, прислоненную к ее левому бедру.

"Из-за этого."

Она вытащила старый эльфийский том и бережно передала его бабушке.

Лидиал посмотрел в глаза Иви. "Что это?"

«Просто прочитай немного, и ты увидишь».

Взгляд Лидиала переместился с Иви на книгу в ее руках. Она медленно открыла обложку и начала просматривать текст. Она не успела прочитать и минуты, как ахнула.

— Эванджелина, это... где... где ты это взяла?

«Украл это... у Империи».

«Это... это священная книга Эссеи. Ты понимаешь... ее больше нет ни у кого из нас? Они все были потеряны... во время...»

Но она не закончила. Ее переполняли эмоции, и на глазах Эн Сейдхе навернулись слезы.

Иви кивнула головой, потому что она хорошо знала. Как историк, она прекрасно осознавала, что Эн Сейде, верившие в бога Эссею, больше не обладали никакими настоящими священными писаниями. Ничего письменного, что они могли бы одолжить соседу или передать своим детям. Вся история, учения, притчи и песни поклонения, окружающие их бога, просто передавались посредством устного рассказа. Лидиал, ради потомства, на протяжении многих лет тратила время на то, чтобы записать то, что ее родители рассказывали ей об Эссее, но это составило всего пару десятков страниц. Иви посмотрела на бабушку, которая теперь с благоговением держала книгу.

«Я знаю, что ты всегда говорил мне, что воровать неправильно, — сказала она с улыбкой, — но у меня была очень веская причина».

Затем Иви передала Лидиалу и Баркаину сокращенное изложение содержания тома и рассказала им о своей теории относительно жезла Апофиса, подтверждающей существование Меча Разрушения. Во время этой беседы никто из них не заметил серую сову, сидевшую на невысоком заборе рядом с открытым окном хижины. Улетев из пещеры, Филиппа направилась на территорию дворца. Судя по плакатам о розыске, она знала, как выглядит Иви, но не знала, где она находится. Насколько она знала, историк все еще находился в пещере. Но она рассчитывала, что все равно немного полетает по дворцу. А учитывая, как мало эльфов Аэн Сейдхе на самом деле осталось на территории дворца, ей не потребовалось много времени, чтобы найти этот разговор. Филиппа была особенно благодарна за летние месяцы. Подслушивать стало намного проще, когда люди постоянно держали окна и двери открытыми.

«Итак, именно поэтому я пришел сюда. Мне нужно было проверить, все ли с тобой в порядке. И предупредить тебя».

Лидиал сидела, качая головой, с легкой улыбкой на лице, сжимая том в руках.

«Ну, никто никогда не приходил сюда и не спрашивал меня о тебе... и уж точно не об этом. Это так невероятно. Мне не терпится прочитать это самому. Ох... и остальным... мне не терпится поделиться этим с их.»

Иви посмотрела на бабушку, улыбаясь вместе с ней. Но затем улыбка исчезла с ее лица.

«Нейн, мне нужно сказать тебе еще кое-что. Ничего общего с книгой... но то, что во дворце». А потом она рассказала им о лаборатории на третьем этаже.

Когда все закончилось, все молчали. Баркейн выглядел ошеломленным и просто сидел с открытым ртом.

«Геральт сказал, что королева Энид завуалированно угрожала, что если он кому-нибудь расскажет, то тебе причинят вред. Вот почему он ничего тебе вчера не сказал. Но...» Иви посмотрела в пол. Когда она подняла глаза, в ее глазах было умоляющее выражение. «...Я бы никогда не хотела сделать что-то, что могло бы подвергнуть тебя опасности... но я должна была тебе сказать. Чтобы... чтобы ты знала... о них и об Энид. Черт, я отказываюсь называть ее «Королевой». ' больше.»

На лице Лидиал отразилось сострадание. Она протянула руку и похлопала Иви по руке.

«Вы поступили правильно, рассказав нам. Иногда незнание — это счастье, но в большинстве случаев знание стоит ответственности и риска, которые с ним связаны. Это один из тех случаев. Возможно, нам придется подождать, но однажды они... мы все рождаемся, мы отнимем их у нее, даже если это будет последнее, что мы сделаем».

Внезапно они услышали звук взмаха крыльев большой птицы, доносившийся из-за бокового окна. Через несколько секунд в хижину прибежал Геральт.

«Нам нужно убираться отсюда... прямо сейчас».

ooo

Хотя никто никогда не мог этого сказать по его внешнему виду, Малек почувствовал, как

внутри него шевельнулось беспокойство. Хотя Эмгыр отдал письменный приказ капитану гарнизона Венгерберга сдать под командование Малек сотню солдат, это было просто невозможно. Во-первых, всего в гарнизоне проживало менее восьмидесяти солдат. Во-вторых, Малек с чистой совестью не мог оставить гарнизон совершенно пустым, поскольку был твердо убежден в том, что закон и порядок идут рука об руку. Он слишком хорошо знал, что гражданское неповиновение и восстание в конечном итоге всегда будут безудержными в отсутствие какой-либо власти. Таким образом, он не стал бы брать на свою миссию всех доступных солдат и оставлять жителей Венгерберга на милость повстанцев, хулиганов и преступников. Таким образом, вместе с пятью тщательно подобранными людьми за ним ехали пятьдесят нильфгаардских солдат. Число, которое он изначально планировал.

Причина его беспокойства заключалась в том, что в глубине души Малек был планировщиком. Он знал, что, поскольку дьявол кроется в деталях, таков же и конечный успех миссии. Была причина, по которой Эмгыр доверял Малеку больше, чем никому другому. Он просто выполнил свою работу, независимо от того, чего бы от него ни просил Император. И он добился успеха, потому что обычно учитывал даже мельчайшие детали миссии, учитывал все непредвиденные обстоятельства. Он посылал шпионов, устраивал разведку, подкупал сторожей, шантажировал, соблазнял жен местных магистратов, поставлял магистратам проституток - все, что было необходимо, чтобы получить все необходимые ему сведения.

Ибо он знал, что правильное планирование зависит от точных разведанных. Неверные данные были, возможно, даже более опасны для миссии, чем их отсутствие вообще. Однако весь этот сбор разведанных потребовал времени. Чего-то, чего ему не дано было в этом вопросе. Он знал, что Эванджелина находится в эльфийском дворце, но не знал, как долго. А если она уйдет до его прибытия, то, возможно, пройдет еще два года, прежде чем они снова уловят ее след. Он не мог рассчитывать на то, что еще один случайный случай - например, ее недавнее похищение - раскроет ее местонахождение, если она снова скроется. Малек знал, что Император, если что-то кардинально не изменится, через два года перестанет быть Императором.

Он признал тот факт, что мог бы использовать навыки волшебниц, чтобы прийти во дворец раньше. Однако у Малек было по этому поводу две оговорки. Во-первых, их власть была ограничена. В лучшем случае они могли бы телепортировать во дворец пятнадцать-двадцать человек, прежде чем они истощат себя. Людей просто не хватило бы, если бы битва стала необходимой. Но, что еще более важно, он просто им не доверял. Он никогда бы им не поверил. Таким образом, он и пятьдесят пять человек, находящихся в его распоряжении, просто ехали на лошадях.

ooo

«И именно поэтому нам четверым придется немедленно уйти», — заявил Лидиал. «И для вашей, и для их безопасности», — и она указала большим пальцем вверх на третий этаж дворца. «Если мы здесь, то мы несем для вас еще большую опасность».

Лидиал сидел на верхней ступеньке крыльца, а Иви и Баркейн сидели по обе стороны от нее. Примерно двадцать взрослых эльфов Аэн Сейдхе, оставшихся во дворце, стояли или сидели на ступеньках внизу. Она не вдавалась в подробности обвинения Иви в государственной измене, но заверила их, что действия Иви оправданы. Она также заверила их, что незнание подробностей на данный момент является самым безопасным для всех из них. А поскольку почти все из оставшихся двух десятков эльфов тоже были ессеями, они ей поверили. Она доказала им свою честь на протяжении многих лет. Она также рассказала им о существовании зародышей на третьем этаже, и раскаявшаяся Нуремель подтвердила эту правду.

«Итак, когда придут нильфгаардцы, просто скажи им то, что я тебе только что сказал. Просто скажи им, что мы ушли и что ты не знаешь куда – потому что это правда».

В этот момент подошел ведьмак, держа в руках поводья Плотвы и трех других скакунов. Когда Лидиал решила, что ей нужно собрать друзей и соседей, чтобы попрощаться и объяснить, почему, Геральт отправился в пещеру, а затем в конюшню за лошадьми и припасами.

«Нам действительно пора идти», просто заявил он.

ooo

Ведмак, историк, бывший нильфгаардский солдат и эссеец мчались на лошадях через Синие горы. На тот момент у них даже не было в виду определенного пункта назначения. Они просто старались дистанцироваться как можно дальше от приближающихся нильфгаардцев. Но, видя, что Черные приближаются с запада, они знали, что не следует ехать в этом направлении — по крайней мере, не сразу. Они быстро двинулись на север, к реке Понтар, естественной границе между Нильфгаардской и Реданской империями. Все они почувствуют себя в большей безопасности, когда покинут земли, контролируемые Нильфгаардом.

ooo

Малек и его солдаты стояли посреди территории эльфийского дворца. Они окружили небольшой остаток безоружных эльфов Аэн Сейдхе, которые до сих пор называли Голубые горы своим домом. Малек приказал эльфам выстроиться плечом к плечу. Нюремель стояла впереди очереди. Глаза Малек медленно скользили по каждому эльфу, стоявшему в ряду перед ним, внимательно изучая каждого. Закончив, он обратился к Нуремелю.

— Как давно они уехали? – спросил Малек.

«Рано утром», — ответил Нуремель.

Малек посмотрел на солнце, висевшее низко в небе, а затем глубоко выдохнул через нос.

«А ее бабушка... где она?» — спросил он, снова переведя взгляд на эльфа.

«Она ушла с ними».

"Кто-нибудь еще?"

"Ее брат."

Малек слегка кивнул головой.

«Я благодарю вас за ваше сотрудничество, Нюремель, особенно потому, что я знаю, как неприятно вам это делать. Тем не менее, несмотря на ваше сотрудничество, вы должны знать, что я должен подтвердить, что мисс ВандерБош действительно отсутствует в помещении... Тиматаал».

— Да, сэр, — сказал дюжий и энергичный заместитель Малек, выходя вперед.

Он был минимум на фут ниже Малек, но у него была бочкообразная грудь и толстые руки. Его короткая рыжеватая бородка была покрыта сединой, выдающей его возраст. Он встретил Малек более трех десятилетий назад и был ему очень предан. Фактически, Малек считал его одним из немногих своих настоящих друзей. Наедине он называл Малек по имени, но в

присутствии других солдат всегда называл «сэр». И каким бы глубоким преданным он ни был, он был также и очень умным. А лояльность и ум были двумя чертами, которые Малек высоко ценил как в друзьях, так и в подчиненных.

«Возьмите сорок человек и обыщите повсюду. Сначала территорию».

Поиски заняли час. За это время Малек ни разу не заметил серую сову, отдыхающую на очень высоком дереве недалеко от стен дворца. Листья деревьев служили укрытием для совы, и со своей точки обзора она могла ясно видеть территорию. Ее совиные глаза с ненавистью смотрели на высокого бородатого мужчину в черном, отдающего приказы.

Тихий голос в глубине души Филиппы говорил ей, что она совершает ошибку. Оно говорило ей, что ей следует преследовать историка и ведьмака. Историк, очевидно, был связующим звеном с каким-то невероятно мощным мечом или эльфийским артефактом. Артефакт, который в ее руках мог позволить ей править Континентом и его народами, что явно было в ее интересах и в интересах магии. Но большая часть Филиппы проигнорировала тихий голос. Это объясняло ее действия, утверждая, что она знала, в каком общем направлении движется четверка, и что в своем птичьем состоянии она легко сможет догнать и найти их в течение дня, когда ее текущие дела будут завершены. И, ох, как большая часть Филиппы хотела завершить это дело. В конце концов она раздавит Малека, как ничтожного жука, каким он был. Ни один человек никогда не разговаривал с Филиппой Эйльхарт свысока и не прожил долго.

Малек кивнул головой, получив сообщение о том, что на территории действительно нет его добычи. Затем он приказал обыскать дворец. Прежде чем мужчины ушли, их прервала Нуремель.

— Мистер Малек, сэр, — пробормотал Нуремель.

«Просто Малека будет достаточно».

«Малек, сэр, пожалуйста... на третьем этаже есть лаборатория... что-то вроде деликатной, но очень важной природы для нас, Aen Seidhe. Я прошу вас не входить. И могу вас заверить, что там никто не прячется, особенно те, кого ты ищешь».

«Нуремель, я хотел бы поверить тебе на слово, потому что, признаю, ты действительно кажешься искренним. Но ты хочешь знать, какое лучшее качество есть у афериста? Умение притворяться искренним. И учитывая, что мы только что встретились и что я еще не знаю вашей меры, вам придется простить мое недоверие». Затем Малек продолжил. «Ничего личного. Это просто помогает мне выжить».

«Тиматаал, обыщи дворец. Я хочу, чтобы ты лично присматривал за третьим этажом. Да, и пожалуйста, будь внимателен ко всему, что находится в этой лаборатории».

— Понятно, сэр.

ooo

Тиматаалу это нисколько не нравилось. Площадка и коридор третьего этажа явно свидетельствовали о недавнем сражении. Несмотря на очевидные попытки эльфов немного навести порядок, он все же мог видеть несколько разбитых витражей, какие-то смоляные остатки на полу и стенах и следы ожогов в других местах. Похоже, что большая часть повреждений исходила от него справа, поэтому он свернул в этот коридор. Коридор был довольно широким, достаточно, чтобы по нему могли пройти в ряд пятеро человек. Когда они

подошли к двери, он указал руками на своих людей. Трое переместились слева от двери, восемь остались на своей нынешней позиции перед дверью, а четверо должны были последовать за ним внутрь.

Заместитель Малека медленно открыл дверь лаборатории, держа наготове короткий меч. Затем он и еще четверо нильфгаардцев, все из гарнизона Венгерберга, прокрались внутрь. То, что они увидели, заставило их всех остановиться.

"Какого черта?" вскричал один.

«Эти чертовы эльфы растут чертовыми эльфами?»

"Закрой его!" — скомандовал Тиматаал.

Один солдат вышел вперед. «Давайте покончим с этим безобразием».

Когда он собирался ударить по одному из стеклянных контейнеров, из ниоткуда материализовалась жуткая, мерцающая, полупрозрачная фигура и поплыла посреди лаборатории между солдатами и столами.

«Вы не причините им вреда. Это мои дети», — спокойно заявил зеленоватый призрак.

Если бы кто-нибудь из этих людей обладал знаниями ведьмака, они бы знали, что этот призрак не собирается нападать на них в данный момент. Он проявлялся как призрак, напоминая то, как он выглядел, когда жил в этом мире. Ведьмаки знали, что с призраками еще можно общаться и рассуждать, когда они еще находятся в этой форме. Ведьмаки знали, что только когда они превратились в чудовищное привидение, пришло время обнажить серебряный меч. К сожалению, никто из этих людей не был ведьмаком и не обладал их знаниями. В то время как Тиматаал понимал, что им следует прислушаться к предупреждению призрака и просто медленно выйти из лаборатории и тихо закрыть дверь, остальные этого не сделали. И несмотря на то, что они слышали сотни историй о привидениях, никто из них не видел ни одной вживую, и в тот момент страх заглушил всякое разумное объяснение. У них сработал рефлекс борьбы-бегства-замирания, и у троих нильфгаардцев рефлексом стал бой, и они бросились на призрак Къезы.

«О, черт», — это все, что успел сказать Тиматаал, прежде чем разразился ад.

Призрак Къезы тут же превратился в уродливого призрака с сморщенной кожей, пустыми глазницами, змеиным языком и всем остальным. Однако самой важной особенностью для солдат были десятидюймовые, твердые, как кость, острые, как бритва, когти, торчавшие из ее пальцев. Она внезапно изогнула свое тело волчком и повернулась к трем атакующим мужчинам, ее когти прорезали их броню, лица и шеи.

Тиматаал выскочил из комнаты и нырнул вправо, крича мужчинам, чтобы те бежали. Призрак пронесся сквозь восемь солдат, стоявших перед дверью, их тела упали на пол, а она разорвала их в клочья. Тиматаал даже не удосужился проверить их статус. Он просто вскочил на ноги и побежал по пустому коридору, трое мужчин следовали за ним.

ooo

Малека, оставшиеся нильфгаардцы и Эн Сейдхе стояли или сидели посреди дворцовой территории. После невероятного волнения последних двух дней последние девяносто минут, честно говоря, были немного скучными как для людей, так и для эльфов. Внезапно они начали

слышать шум, доносившийся изнутри замка, и это было похоже на крики и вопли людей. Малек и его люди вытащили свои мечи и быстро повернулись к эльфам, глядя на них полувопросительным, полуобвинительным взглядом на лицах. Прежде чем они успели допросить Эн Сейдхе, они услышали звук разбивающегося стекла.

Все они в шоке наблюдали, как окровавленный Тиматаал врезался в окно третьего этажа и упал на десять футов на крышу портика. Он с грохотом приземлился на бок и тут же покатился по скользкой наклонной крыше портика. Его тело отлетело от края портика и упало еще на пятнадцать футов на территорию дворца. Малек бросился на помощь своему другу, но на полпути внезапно остановился, когда услышал ужасный крик, доносившийся из парадных дверей дворца.

Все головы повернулись к входным дверям и увидели, что ужасающий крик исходил от ужасающего призрака. Эн Сейдхе, после того, что они увидели на прошлой неделе, первыми двинулись с места и побежали к главным воротам территории дворца. Сразу после этого за ним оказалась половина нильфгаардских солдат. Остались только Малек и четверо его людей. Он собирался защититься от чудовища, когда, к его удивлению, оно просто захлопнуло парадные двери дворца. Спустя несколько мгновений он услышал новые звуки, доносившиеся изнутри.

Малек направился к Тиматаалу и, к своему облегчению, увидел, что глаза его друга открыты и он все еще дышит.

— Беги, — шепотом выдохнул Тиматаал.

«Не без тебя, друг», — ответил Малек, наклонившись и подняв товарища на ноги.

Хаос внизу был именно тем отвлечением, на которое надеялась Филиппа – чем-то, что могло бы отвлечь Малека от основной массы его людей. Теперь там был только он и еще пятеро. Она планировала сначала убить пятерых, чтобы затем встретиться с Малекком один на один. Ей нравилась мысль о том, чтобы убивать его медленно, все время оскорбляя. Пока полдюжины нильфгаардцев медленно приближались к главным воротам дворца, Филиппа спикировала на территорию дворца. Хотя она и не так сильна, как в человеческой форме, даже в виде совы, она могла владеть некоторыми смертельными заклинаниями. Она быстро убила двоих солдат заклинанием молнии, прежде чем кто-либо даже узнал об опасности сверху.

Однако все эти люди были закаленными в боях. Они сразу же обнаружили врага, оценили ситуацию, вытащили арбалеты и начали стрелять в ее сторону. В своей птичьей форме Филиппа не обладала особой защитной магией, поэтому она полетела на землю, приземлилась за одной из статуй, закрепленных на выступе фонтана, и быстро превратилась обратно в свое естественное человеческое тело.

Со своей безопасной позиции за статуей Филиппа насмешливо крикнула: «Малек, ты утверждаешь, что знаешь меня так хорошо. Итак, ты должен был предвидеть это». Затем она засмеялась. «Ты знаешь, какое мое любимое заклинание, Малек? Ты знаешь, как эта мерзость собирается тебя убить? Прости. Я не слышу тебя, Малек». Колдунья снова рассмеялась, явно наслаждаясь происходящим.

Она вышла из-за статуи и быстро произнесла еще одно заклинание молнии, поразив другого солдата. Малек ждал этого и бросил бомбу в ведьму, как только она появилась. Он взорвался рядом с ней, но она предвидела его приближение и резко нырнула влево, за укрытие – за уступ фонтана высотой два фута. Она не погибла, но осколок шрапнели попал в плоть, кровь текла из небольшой раны на ноге.

«Филиппа, ты мертва... надеюсь?» – громко спросил Малек.

Он и двое его оставшихся в живых людей также присели за выступом фонтана на стороне, противоположной Филиппе. Однако они оба были довольно ранены, а один из них, Тиматаал, едва мог стоять.

«Почему бы тебе не отпустить двоих моих людей? Они тебе ничего не сделали. Тебе с ними нечего драться».

«Конечно, Малек. Просто пусть они бросят оружие и встанут. Я открою им портал обратно в Венгерберг». Сарказм в ее голосе был безошибочен. «Как насчет того, чтобы я тоже подарил им на прощание косматую шевелюру?»

Едва она закончила говорить, как рядом с ней упала еще одна бомба. Она создала быстрый щит, не самый мощный, который она знала, учитывая, что ей нужно было действовать немедленно, но достаточно сильный, чтобы поглотить весь урон от бомбы. Она немедленно встала и бросила перед собой двуручный, очень замысловатый щит, а затем пошла к другой стороне фонтана, на прямой видимости со своей жертвой.

Малек выглянул за выступ фонтана и увидел Филиппу, идущую в их направлении, а перед ней мерцающее голубое сияние. Он тут же встал и бросил в ее сторону две последние бомбы. Они взорвались при попадании в ее щит, и хотя волшебница на мгновение остановилась, его бомбы не причинили ей никакого вреда. Он быстро потянулся за своим оружием, привязанным к правому бедру, и, вытащив его из кобуры, почувствовал жгучую боль в левом плече, когда его ударила одна из молний Филиппы. Он отлетел назад и сильно ударился о землю.

Если бы на нем были типичные металлические нильфгаардские доспехи, он, вероятно, умер бы от одного удара молнии. Однако он всегда предпочитал носить доспехи из специально обработанной кожи, которые были почти такими же прочными и вдвое легче. Это была чрезвычайно дорогая броня, но в данном случае она определенно стоила своих денег. Ведь металл, великий проводник, не сделал бы ничего, чтобы нейтрализовать силу молнии, как это сделала его обработанная кожа. Тем не менее, заклинание все равно сбilo его с ног, и он чувствовал, как кровь течет из его левого плеча в руку.

Он поднял голову и увидел приближающуюся Филиппу с жестокой улыбкой на лице. Она снова активировала свой мерцающий синий щит. Она остановилась в десяти футах перед Малеком и двумя его людьми, и он мог видеть, что на ее лице было победное выражение. Тиматаал, прислонившись спиной к фонтану, держал в руках арбалет и выстрелил в ее сторону, но тот слабо отскочил от ее щита. Она взглянула в его сторону с выражением снисхождения на лице. Когда она снова перевела взгляд на Малека, в его руке было что-то похожее на металлическую трубку.

«О боже. Планируешь попытаться побить меня металлической трубкой? Знаешь, должен сказать, я в тебе весьма разочарован. Я думал, ты бросишь мне вызов посложнее, чем этот. поцарапала меня, — сказала она с выражением веселья на лице. «Король Визимир сопротивлялся больше, чем ты, и он был жалким стариком». Затем она заметила, как на лице Малека медленно расплылась улыбка.

Но он не утруждал себя никакими насмешками или оскорблениями. Он направил конец трубки в ее сторону, а затем ударил ладонью левой руки вперед по металлическому «плунжеру», соединенному с трубкой. Тут же раздался громкий хлопок, и из конца трубы, обращенного к волшебнице, раздался взрыв. Взрыв внутри трубы разбросал осколки металла с невероятной

скоростью и такой силой, что они разбили щит Филиппы и вонзились в ее нижнюю и верхнюю часть бедра.

Колдунья упала на землю с криком боли, глядя вниз и видя, как кровь начинает пропитывать ее платье. Посмотрев на Малека, она увидела, как он снова направляет на нее трубку. Она быстро трансформировалась в форму совы и, пролетая над стенами дворца, услышала сзади еще один небольшой взрыв. Она услышала, как что-то просвистело мимо нее, но маленькая металлическая шрапнель пролетела далеко от цели.

Малек понял, что промахнулся со вторым выстрелом, и начал немедленно крутить цилиндр в трубке, пока не услышал небольшой щелчок и не понял, что следующий выстрел теперь выстроен и готов к детонации. Он поднял глаза, чтобы найти свою цель, но Филиппа уже скрылась из виду. Он медленно встал на колени и быстро оценил ситуацию. Его травма не была смертельной, но он был совершенно уверен, что скончается от нее прежде, чем сможет доехать до Гулета, ближайшего города, где можно было получить любую медицинскую помощь. Он сильно сомневался, что получит какую-либо помощь от этих Аэн Сейдхе. Двое его людей оказались в более тяжелом положении. Он глубоко вздохнул, осознав, что у него есть только один реальный вариант.

С силой прижав правую руку к левому плечу, он быстрым шагом вышел из дворцовых ворот и нашел в лесу свою лошадь. Он сел на коня и быстро поехал обратно на территорию дворца. Он полез в седельные сумки и вытащил мегаскоп. Хотя это правда, что устройство было изобретено магами, немагические пользователи также могли бы использовать его, если бы их научили этому. К счастью, была одна волшебница, которая согласилась научить его, и именно с ней он сейчас связался. Учитывая, что она была обладательницей магии, он совсем не доверял этой женщине; хотя он доверял ей больше, чем кому-либо другому, кого он когда-либо встречал, по крайней мере, она была нильфгаардкой.

Менее чем через две минуты Фрингиля Виго вышла из портала.

«Пусть они пройдут первыми», — сразу сказал он. Он и волшебница помогли Тиматаалу и другому подняться на ноги и пройти через портал.

Когда Малек сам подошел к portalу, он немного покачнулся, потеря крови начала сказываться на нем. Он чувствовал, что у него кружится голова. Фрингиля протянула руку и крепко схватила его за руку и за талию, чтобы он не упал. Он посмотрел в глаза миниатюрной темноволосой женщины, и она смотрела прямо на него, но, как обычно, ее лицо было каменным.

«Спасибо», — наконец сказал Малек и слегка улыбнулся ей. "Я у тебя в долгу."

Внезапно, всего на мгновение, Малек увидел, как ее маска исчезла, а на лице Фрингили появилась улыбка. Улыбка, которая достигла ее глаз. Оно исчезло в мгновение ока, но Малек знал, что он это видел, и ему понравилось то, что он увидел. Он внезапно почувствовал себя заинтригованным и подумал, может быть, ему действительно хотелось бы узнать эту волшебницу немного лучше. Дайте ей шанс проверить, сможет ли она доказать его неправоту насчет всех пользователей магии. Конечно, это могла быть просто потеря крови, повлиявшая на его здравый смысл. Время покажет.

Его левая рука лежала на плечах Фрингили, а ее рука все еще обнимала его за талию, и они оба прошли через портал.

Много часов спустя, убедившись, что нильфгаардцы за ними не следят, все четверо стояли у небольшого горного пруда. Они давали своим лошадям заслуженный отдых и передышку после долгой и напряженной поездки. Ведьмак стоял на коленях на берегу пруда, чистя меч и доспехи, а Лидиал и Иви держали в руках ессейский фолиант, возбужденным шепотом обсуждая его содержание. Наконец Баркейн громко кашлянул, заставив всех посмотреть в его сторону.

«Хм, знаешь, извини, что прерываю и все такое, но просто интересно, каков будет план, когда мы окажемся к северу от Понтара?» — спросил Баркейн, подняв брови и пожав плечами.

Никто не ответил. Все четверо смотрели друг на друга, ожидая, что кто-нибудь ответит. Наконец, Иви заговорила.

«Геральт, Нильфгаард никогда не перестанет охотиться на меня, не так ли?»

Он поднялся на ноги, подошел к остальным троим и затем покачал головой.

«Нильфгаард мог бы... но Эмгыр никогда этого не сделает. Я знаю, какой он. Он не остановится ни перед чем».

— Тогда какие у нас есть варианты? — спросил Лидиал.

Все трое смотрели на Геральта, но он не знал почему. Он зарабатывал на жизнь убийством монстров. Он был ведьмаком, а не... ну, кем бы они от него ни ожидали.

Вздохнув, он ответил: «Иди обратно в подполье. Направляйся далеко на север, может быть, в Каэр Морхен. Хотя они могут этого ожидать. Или, во-вторых, мы убьем Эмгыра...»

Эви фыркнула. — Мы серьезно, Геральт.

«Эй, меня только что спросили о вариантах, не простых. Мертвый Эмгыр точно не будет вас преследовать. Или... я думаю, третий вариант — мы сами найдем Меч».

"Для чего?" — спросил Баркейн. «Чтобы мы вчетвером могли править миром?» — спросил он с улыбкой. «На самом деле, это звучит довольно хорошо».

«Я больше думал о его уничтожении. Если Меч будет уничтожен, то у Эмгыра больше не будет причин охотиться на тебя. Ну, разве что из мести. Конечно, к тому времени, возможно, он уже быть мертвым. У него много врагов». Помолчав, ведьмак продолжил. «Скрываться — определенно самый простой и, вероятно, самый безопасный выбор».

Эви посмотрела вниз и покачала головой. «Я так устала прятаться», — сказала она шепотом, хотя остальные легко ее услышали.

— Эванджелина, что ты хочешь делать? — спросил Лидиал. «Мы пойдем с тобой куда угодно».

Она посмотрела на Баркейна и Геральта, которые оба кивали головами.

«Нет», — сказала Иви, снова покачав головой, ее глаза слегка расширились. «Вы не можете просить меня решать за всю группу. Это слишком большая ответственность... Давайте проголосуем. Правило большинства».

Остальные трое посмотрели друг на друга, а затем все кивнули головами.

«Хорошо, Баркен... твоё решение?» - подсказала Эви.

«Пойдем за Мечом», — сказал он с широкой улыбкой.

«Меч», — согласился Лидиал.

Затем все трое посмотрели на ведьмака.

«Лично я бы хотел убить Эмгыра, но... это, наверное, не самый мудрый выбор... так что это Меч».

Иви смотрела на всех троих. Затем на ее лице появилась улыбка.

«Вы все проголосовали так только потому, что знали, что я этого хочу».

«Вы никогда не сможете это доказать», — с усмешкой ответил Баркейн.

На мгновение все четверо просто посмотрели друг на друга, и все, кроме Геральта, выглядели немного шокированными тем, что они только что решили.

— Итак, если мы идем за этой штукой, то куда, профессор? Вы эксперт, — заявил Геральт.

«Ну, я точно не знаю, но есть подсказки, и я думаю, что знаю кого-то, кто может помочь».

«Пожалуйста, не говорите мне, что он в Нильфгаарде», — умолял Баркейн с ухмылкой.

«К счастью, нет. Мы едем в Реданию», — заявила Иви, глядя каждому в глаза.

— Редания, да? — заметил ведьмак, слегка кивая головой. «По крайней мере, не должно быть никаких сумасшедших ведьм, с которыми нужно иметь дело».

Иви, услышав слово «ведьма», внезапно ахнула.

«Геральт, я только что понял — что именно случилось с Франческой? Я так и не увидел ее до конца. Она все еще была в пещере, когда ты вернулся за лошадьми и снаряжением?»

«Да... я оставил ее в пещере», — ответил он своим типичным хриловатым тоном.

— Геральт... что ты сделал? — спросила она, и в ее голосе закралось подозрение.

«Ну, я убил ее», - заявил он как ни в чем не бывало.

«Геральт!» она ахнула.

"Что?" — спросил он с искренним замешательством на лице.

— Ты убил ее? ее голос повысился еще выше.

«Ну... да», — ответил он, как будто это был самый очевидный ответ на свете. «Она пришла убить меня. Это была самооборона... ну, более или менее».

«Я... э-э...» Она даже не могла вымолвить слов. — Я... я не расстраиваюсь из-за самообороны, Геральт... я расстраиваюсь из-за... а как насчет жизни на третьем этаже? она наконец-то избавилась от заикания.

«О... да, это. Я позаботился об этом», — спокойно ответил он, уверенно кивнув и пренебрежительно взмахнув рукой.

— Что? Но... как? Теперь она была в замешательстве.

«Да, не волнуйся. Я позаботился об этом».

"Что ты имеешь в виду?"

Ведьмак посмотрел на столь же растерянных Баркейна и Лидиал, прежде чем снова повернуться к Иви. Затем на его лице появилась тончайшая ухмылка.

«Знаешь, я только что понял... Не думаю, что ты когда-нибудь по-настоящему извинялся передо мной за то, что посмеялся над моим стихотворением».

Эви какое-то мгновение пристально смотрела на ведьмака, прежде чем неохотная улыбка тронула ее губы, и она начала медленно покачивать головой.

«Правда, Мясник? Шантаж? Ты собираешься шантажировать?»

Геральт пожал плечами, ухмылка все еще присутствовала.

«Шантаж. Испытание чувства вины. Постоянное нытье. Разве это не основа крепких отношений?»

"О, Боже."

«Нет? Ха... ну, это почти все, что мне известно».

Пятнадцать минут спустя Геральт и Иви ехали бок о бок, тихо наслаждаясь обществом друг друга, а Баркейн и Лидиал разговаривали и ехали в нескольких ярдах позади них.

«Знаешь, Геральт, мне очень жаль, что я посмеялся над твоим стихотворением. Мне все равно хотелось бы его услышать. Обещаю, на этот раз я не буду смеяться».

Геральт посмотрел на нее, а затем снова через плечо, чтобы убедиться, что Лидиал и Баркейн находятся вне пределов слышимости. Убедившись, что они не могут подслушать, он снова повернулся к Иви.

— Хорошо, — сказал он, его голос был чуть громче шепота. Он посмотрел вперед и вздохнул, прежде чем начать чтение. ««Страдание» Геральта из Ривии. Холодное одеяло страдания утешает меня. Осколок льда...»

Но он остановился, когда услышал хихиканье Иви. Он оглянулся и увидел, как ее рука скрывает очевидную улыбку, ее лицо покраснело, а глаза полны веселья. Похоже, она делала все, что в ее силах, чтобы сдержать смех.

«Черт побери», — сказал он, покачав головой, но не смог сдержать ухмылку со своего лица.

При этих словах Эви рассмеялась. Ведьмак знал, что, наверное, ему следует разозлиться, но, черт возьми, ему просто нравился этот звук.

Ворон вылетел из леса Голубых гор, энергично взмахивая крыльями, и направился вниз по крутому склону прямо к территории эльфийского дворца. Подойдя к внешней стене, он на мгновение перестал махать крыльями и просто поплыл по ветру, пересекая дворцовую территорию, конюшни, сады, кухню и оружейную. Он издал гортанное карканье, а затем повернулся к самому дворцу. Он еще раз взмахнул крыльями, взмыл выше и взлетел над крышей третьего этажа. Черная птица полетела вниз по спирали во двор, скользя вокруг сухого дерева и небольшого фонтана. Он прошел через открытую дверь в холл, обратно из дворца и, наконец, полетел к своему хозяину обратно в поросшие деревьями горы.

Десять минут спустя Йеннифэр из Венгерберга медленно поднялась по мраморным ступеням эльфийского дворца. На территории дворца не было ни одного эльфа или человека – по крайней мере, живого. Никаких звуков, доносившихся изнутри дворца, она тоже не могла уловить, но сверхчувствительного слуха, как у ведьмака, у нее, конечно, не было. Достигнув верха портика, она остановилась, посмотрела на территорию дворца и осмотрела кровавую бойню. Пока она стояла и смотрела, в ее голове начали мелькать события последних двух дней.

ooo

«Вы готовы вызвать гнев Малека?» — спросила Йеннифэр.

«Он вызвал мой гнев. Для него это всего лишь пустяк», — прорычала Филиппа. «Помни, магия, а не Нильфгаард, — это самое важное, и чем бы ни обладал или не знал этот историк, в наших интересах получить это в первую очередь. К черту последствия».

Тридцать секунд спустя портал Филиппы закрылся, и в комнате воцарилась гробовая тишина. Йеннифэр повернулась к Фрингилье, но ни один из них ничего не сказал другому. В конце концов Йеннифэр нарушила молчание.

«Я верю, что мое время здесь, при дворе Эмгыра, подошло к концу. Пожалуйста, передайте от меня привет императору и Филиппе. Если они спросят, скажите им, что я вернулся домой в Венгерберг».

Женщина с короткими волосами какое-то время молчала, просто глядя на Йеннифэр своим ничего не выражающим лицом. Когда Йеннифэр собиралась отвернуться, думая, что нильфгаардская волшебница вообще не собирается отвечать, Фрингилла коротко кивнула головой и ответила: «Прощай».

Верила ли Фрингилья в то, что только что сказала волшебница из Венгерберга, Йеннифэр не знала, и, честно говоря, ее это не волновало. В ответ она так же коротко кивнула головой, а затем открыла свой портал.

ooo

Йеннифэр обошла большую дыру посередине портика. Подойдя к парадной двери дворца, она смогла яснее рассмотреть разбросанные повсюду трупы нильфгаардских солдат. Если она и думала, что на территории дворца царит резня, то это не могло сравниться с интерьером. Пол вестибюля был залит вязкой, засыхающей кровью, воздух пропитан металлическим запахом. Она быстро двинулась вправо и начала подниматься по лестнице.

ooo

Йеннифэр вышла из портала и попала в Голубые горы. Она была в этом районе много лет назад, когда ее похитила Франческа во время фиаско на острове Танедд. Она оглядела лес, а

затем полезла в передний карман и вытащила маленький, похожий на кристалл череп. После короткого заклинания реликвия превратилась в ворона.

Она прошептала ему: «Найди его».

ooo

Черноволосая волшебница добралась до второго, а затем и третьего этажа дворца, минуя по пути окровавленные трупы солдат. Достигнув площадки третьего этажа, она остановилась и оглядела повреждения. Она повернулась направо и посмотрела в длинный коридор. Там тоже было много трупов, но казалось, будто их всех раскинули в стороны, оставив между ними кровавый проход.

ooo

Когда она вошла в пещеру, ведьмак стоял и смотрел прямо на нее, как будто ждал ее, что и произошло.

« Я думал об этом вороне», — заявил Ведьмак. «Не так уж много птиц заставляют мой медальон дергаться».

«И мне было интересно, когда же ты, наконец, отправишь ей свой маленький аромат месяца. Ты собирался заставить меня прервать. О, и привет, Геральт. Спасибо за приветствие. Мне тоже приятно тебя видеть . . .»

Он вздохнул. «Йен, мне действительно не хочется делать это с тобой. Так что просто скажи мне — что ты здесь делаешь? И, если на то пошло, как, черт возьми, ты вообще узнал, что я здесь ? »

В голосе ведьмака не было гнева, только страх. Он понятия не имел, что его ждет, но и не ожидал, что разговор окажется приятным. Они не разговаривали с тех пор, как он оставил ее на острове Ундвик чуть больше года назад, и теперь он боялся иметь с ней дело. Это всегда было так... утомительно.

— О, я была неподалеку, Геральт, — сказала она, закатив глаза. «Пожалуйста, не задавайте глупых вопросов. Вы должны знать, почему я здесь. Я пришел предупредить вас. Кажется...»

«Предупредить меня? О чем?»

Черноволосая волшебница пристально посмотрела на ведьмака. — Если бы ты перестал перебивать, я бы тебе сказал. Затем она вздохнула. «И Эмгыр, и Филиппа охотятся за твоей... подругой. Я не знаю, почему она важна, но они оба, очевидно, убеждены, что она важна. И они оба знают, что она здесь. Люди Эмгыра должны быть здесь сегодня вечером, если не раньше. И Я считаю, что Филиппа... ну, Филиппа уже находится с Франческой во дворце, пока мы говорим».

— Черт возьми, — прорычал ведьмак. Затем он прищурился на волшебницу. «Зачем ты мне это рассказываешь? Как будто ты действительно заботишься о ней».

« Ты прав. Я нет, но я...» Потом она остановилась. «То, что мы больше не вместе, не означает, что... это не значит, что я хочу услышать о твоей смерти».

« Ну... спасибо», — сказал он, все еще немного удивленный и настороженный неожиданным

прибытием волшебницы.

Затем он быстро повернулся, чтобы посмотреть на свое снаряжение на земле, уже строя планы. Когда он начал вытаскивать из седельной сумки несколько ловушек и бомб, он сказал через плечо: «Еще раз спасибо, Йен, но ты, возможно, захочешь взлететь... если только ты не хочешь обменяться заклинаниями с этими двумя. Они могут быть здесь в любую минуту. ."

Она смотрела на ведьмака, продолжающего собирать свои припасы. Когда она ничего не сказала, он прекратил свои дела и снова посмотрел на нее. Он увидел, как что-то мелькнуло в ее глазах.

« Если ты так хочешь. Я не останусь там, где меня не хотят. Прощай».

Черт побери, подумал он. Даже не пытаясь, он каким-то образом снова причинил ей боль. Он собирался извиниться – за все, что он сделал, – когда осознание этого ударило его, как зарядный крик.

« Йен, подожди! Мне нужно, чтобы ты оказал мне услугу».

« Из всех нервов».

« Это важно. Я обещаю».

ooo

Когда Йеннифэр пошла по коридору к открытой двери в конце, ее сердце начало колотиться. Ее дыхание стало немного более быстрым, и она заметила, что ее ладони стали влажными. Через открытую дверь она увидела, что в комнате находится несколько эльфов Аэн Сейдхе.

ooo

« Что это за услуга, которая так важна?»

« Пообещай мне, что когда все закончится – когда люди Эмгыра уйдут – когда все успокоится, ты пойдешь в лабораторию на третьем этаже дворца».

« И что там?» она спросила

ooo

Йеннифэр остановилась на пороге двери. В лаборатории находилось более дюжины эльфов, собравшихся тесно вместе. Они все еще не заметили ее, так как все стояли спиной к двери. Они осматривали комнату, рассматривая большие стеклянные контейнеры, стоявшие на столах.

«Что нам теперь делать? Только магия королевы Энид поддерживала их жизни», — заявил один из Эн Сейдхе слегка отчаянным тоном.

«Ничего нельзя сделать», — ответила другая, ее голос был полон смирения.

ooo

Черноволосая волшебница ахнула. — Геральт, этого не может быть. То есть... Франческа, что ты сделала? И ты уверена? — спросила она, пристально глядя на ведьмака.

« Клянусь... памятью Цири».

ooo

«Я верю, что смогу помочь», — мягко заявила Йеннифэр. Все эльфы вскочили и быстро обернулись, чтобы посмотреть на незнакомца в черном, пахнущем сиренью и крыжовником. «Меня зовут Йеннифэр из Венгерберга, и я волшебница. Я могу помочь вам... я могу спасти их».

ooo

Когда она собиралась повернуться и выйти из пещеры, Геральт сказал: «Йен, я хочу... я просто хочу извиниться».

Она остановилась и медленно повернулась к ведьмаку. «Для чего именно?»

« Ну... за всё». Его глаза опустились всего на секунду, прежде чем вернуться к ее лицу. «Я знаю, что причинил тебе боль... очень. Теперь я знаю, что... все, что ты когда-либо хотел, это чтобы я посвятил себя тебе, любил тебя так же, как ты любил меня. И я никогда этого не делал. Я просто... я Просто не знал как, Йен. Я не умел любить. Каждый раз, когда у нас дела становились серьезными, я просто уходил. Всегда возвращался на Путь... и ты этого не заслужила. Итак, мне... мне очень жаль».

Она посмотрела на ведьмака, а затем кивнула. — Да, мне тоже жаль.

— И... мне тоже жаль Цири, Йен. Ведьмак тяжело сглотнул. «Я сделал все, что мог, чтобы спасти ее», — голос Белого Волка был едва громче шепота. «Я знаю, что ты думаешь о ней как о своей дочери даже больше, чем я».

Йеннифэр ничего не сказала. Просто смотрел на ноги ведьмака.

« Надеюсь, однажды ты сможешь простить меня, Йен».

Она стиснула челюсти и устремила взгляд вверх, к потолку пещеры. Через мгновение она сглотнула, ее глаза опустились вниз, и она снова посмотрела на стареющего мужчину перед ней.

— Я прощаю тебя. Прощай, ведьмак, — коротко заявила она.

И с этими словами она повернулась и вышла из пещеры.

ooo

Глаза Йеннифэр быстро перемещались от одного стеклянного контейнера к другому. Некоторые из зародышей были еще настолько маленькими и неразвитыми, что было бы непонятно, что это такое, если бы она еще не знала. Но некоторым казалось, что до «рождения» осталось всего несколько недель. Глядя на все эти маленькие жизни, она вдруг почувствовала надежду, впервые после смерти Цири. Возможно, только возможно, она все-таки сможет снова стать матерью.

Единственная слеза накатилась из ее глаз, слабая задумчивая улыбка тронула ее губы, и она прошептала себе: «Спасибо, Геральт. Я тоже тебя люблю».

ooo

Позже, продолжая свое путешествие по Синим горам, Геральт, Иви, Лидиал и Баркейн приблизились к длинному постепенному склону, ведущему к высокому хребту, где горы поднимались высоко по обе стороны извилистой, усыпанной камнями тропы. В конце концов они достигли гребня хребта, и когда они это сделали, далеко внизу перед ними открылся вид на Дол Блатанна, Долину Цветов. Все четверо инстинктивно остановились, увидев долину, простирающуюся на многие мили к западу. Хотя она была замечена рядом с редким фермерским домом и окружающей его площадкой с зелеными посевами, остальная часть долины была покрыта полосами ярко-желтого, розового, белого и синего цветов - цветение цветов свидетельствует о происхождении названия долины. .

Все четверо сидели на спинах своих лошадей, наслаждаясь зрелищем, и благоговейная тишина нарушалась лишь случайным тихим ржанием одного из их скакунов. В нескольких милях от долины можно было разглядеть горы Махакам, самую высокую из вершин, все еще увенчанную белой шапкой, несмотря на летние месяцы. Взгляд Геральта устремился вверх к голубому небу над головой, а затем медленно опустился обратно к горизонту. Синий плавился в фиолетовый, который затем смешивался с оранжевым, желтым и красным — всеми цветами, освещенными светящимся шаром солнца, только начинающим скрываться за горным хребтом. Однако никто ничего не сказал и никто не поехал дальше. Наконец, в тишине, Лидиал тихо заговорил.

«Звезды возвещают славу Ессеи, небеса возвещают дело рук его.

Океаны демонстрируют его величественную силу, а леса на вершинах самых высоких гор поют хвалит свое святое имя.

День за днём они возносят хвалу; ночь за ночью они раскрывают знание.

Они не используют слов; у них нет речи;

Тем не менее, их голос доносится до всей земли; их послание на край света, чтобы все познали величие Глоириневеллиена, его славу над всем».

Геральт слегка повернул голову и посмотрел на Лидиала. Он заметил, что Баркен тоже повернулся, чтобы посмотреть на свою бабушку, но она просто смотрела в сторону долины вниз. Затем глаза Белого Волка встретились с глазами Иви, и она широко улыбнулась своему ведьмаку. Пока они смотрели друг на друга, он медленно кивнул головой, легкая улыбка появилась на его губах, когда он увидел ее лицо, сияющее радостью. Затем Геральт снова повернулся к долине, его маленькая улыбка застыла, и, глядя с трепетом на все Божье творение, разложенное перед ним, он почувствовал, как крошечный свет мира и надежды, который обитал внутри, начал сиять чуть ярче. .

ooo

Конец книги 1: Пробуждение волка

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3414147>